

О. И. СЕНКОВСКИЙ

Германская философия

<...> Если Германские философы действительно озарены горным светом, пусть они докажут это, истолковав нам в самом деле тайную связь вселенной и прояснив мрак множества второстепенных вопросов, которые утомляют доселе самые ревностные исследования? Вот скала, о которую всегда сокрушается их Философия и где никакие уловки не в силах прикрыть ее немощи, которая давно заметна людям здравомыслящим и которая заставит наконец молчать многообещающих философов.

Кант, низложитель схоластики, сам Кант был главным виновником этого трансцендентального заоблачного учения. В основание своей системы положил он следующую мысль: единственный источник познания внешнего мира есть опыт, а вывести сущность вещей из идей человека значит предаваться пустым и бесплодным умствованиям: вещи познаваемы только как явления, а не сами по себе, не в безусловно-подлинной их действительности, которая навсегда останется неизвестною. Итак, Кант установил учение, совершенно противоположное тому, какое проповедует позднейшая философия. Но способ изложения его системы отнюдь не благоприятствовал изгнанию старого догматизма, который возобновился тотчас после него: точками отшествия Кант по-прежнему принимал отвлеченности — главный недостаток Философии всех веков; он не спросил себя, имел ли бы он те идеи, которые называет врожденными, если б у него не было чувств, источника опыта, и вместо того чтоб опровергать схоластику методою опыта, он защищал опыт схоластически. Сверх того, он допускал в душе известные первобытные формы знания, то есть рамы, в которых распределялись отношения познаваемых предметов, и наконец довершал несогласимость своего учения вымыслов особенного практического разума, который, в противоположность теоретическому,

определяет у него человеческие поступки помощью собственно-го ясновидения и в познании того, что быть должно, не следует общему логическому способу. От разума, созданного Кантом, до разума, *построивающего* вселенную, один шаг. В этой философии крылся зародыш двух учений: одно истинное, постепенное, ограничивавшееся только возможным знанием; другое мечтательное, исполненное предположений, богатое пустыми перспективами, — и оно-то восторжествовало с помощью Фихте. Он первый провозгласил это мнимое умственное, или безусловное, созерцание всеобщим и единственным источником знания. У него не идеи отражения действительности, а напротив, действительность — оттиск идей; знание не зависит от свойства предметов, а *полагает*, то есть производит, их из себя как собственное дополнение. Слово *полагать* есть философский камень Германского любу мудрия: прибавляя к нему разные предлоги, вы получите удивительные глаголы, которыми все объясняется — то есть *предполагается*. Безусловное лицо, Я, полагает мир внешний, не-Я, как свой антитез, и связывает его с собою безусловным синтезом. Это очень ясно: это значит, что ум производит природу и что только он один имеет истинное бытие, а все прочее существует для него и по его милости; для познания истины стоит лишь углубиться в это Я и выслушать его откровения.

Это слишком идеальное направление системы Фихте, уничтожавшей предметную действительность, возбудило противодействие Шеллинговой философии. Шеллинг наследовал от своего предшественника предположение самобытного ясновидения разума, которое называли тогда умозрением, и вся разница между Фихте и Шеллингом в употреблении этого волшебного жезла.

Шеллинг придал вещам такую же действительность, как и идеям, и соединил их предположением безусловного тождества: вещь и идея одно и то же; это — одно существо, только оно проявляется в двух различных формах. «Безусловное, как всюду тождественное начало деятельности, для проявления себя должно перейти в деятельности противоположные; но разъединение это не есть действительное: что само в себе тождественно, то в сущности не разъединяется, а должно быть только формное, то есть происходящее оттого, что безусловное отражается в самом себе и делается собственным противоположением». И вот почему бык и идея быка одно и то же! Это безусловное тождество всего сущего и всего мыслимого *объясняет* ли или только показывает непроницаемую тайну? Вывод ли

это горнего ясновидения или только самое общее выражение самой обширной отвлеченности? По решению этих вопросов должно судить, настоящее ли открытие сделала Шеллингова философия или только открытие пустых слов.

Называйте идею и предмет тождественными — мы согласны: только не говорите, чтоб между ими не могло быть и безусловной разности; не скрывайте под этим уловочного старшинства идей, которым вы уничтожаете действительность вместо того, чтоб познавать ее. Называйте общую связь вселенной безусловным тождеством, а феномены формами его проявления — Бог с вами: только не уверяйте нас, что этими отвлеченностями объяснили вы первую причину или последние условия всего сущего: блаженной памяти Метафизика толковала их не хуже вашего своими *substantia* и *modi*.

Учение Шеллинга преимущественно занималось внешним миром и оттого получило название Философии Естественной. Но это самое приложение его к природе ускорило упадок школы в общем мнении, потому что сближением с действительностью всего легче было поверить ее догматы. Умозрительная Физика Шеллингистов хотела объяснить явления природы во всех их отношениях и доказать всемирный организм в его целости помощью одного умозрения; но, растерявшись в отвлеченностях, в аллегорических образах и самых странных сравнениях, она скоро превратилась в формализм неподвижный и безжизненный, где силы природы, числа и математические знаки олицетворяются и распределяются по особенной табели о рангах. Так, например, электричество представляет собою смысл, кровь соответствует воде, инстинкт свету, череп алмазу, а что золото и серебро — мужчина и женщина, которые *тяготят* друг к другу, об этом нечего и говорить. «Вещество проявляется в воде, как безразличное, в свете, как идеальное, в алмазе, как существенное». Все объяснено — и дело кончено.

Система Шеллинга далеко распространяла тождество идей с предметами и единство безусловно-подлинного с его проявлениями, однако ж орган знания все еще служил как бы мостом, соединяющим два эти мира, которые поэтому представлялись порознь. Здесь говорили еще об умозрении и познании безусловно-подлинного; безусловно-подлинное было еще предметом, который следовало постигнуть. Путь к нему указан был таким образом, что каждый мог протестовать, если не находил в своем Я обещанного ясновидения, если напрасно измучился, стараясь вдолбить себе в голову возможность, чтоб из $a = a$, из этого пустопорожного тождества и вечного покоя, могло возникнуть

бесконечное разнообразие действительности. Для устранения этого неудобства надлежало еще раз перегнуть эфирную тождественность, надлежало совершенно уничтожить различие между знанием и предметом и так сокоупить безусловно-подлинное с идеею, чтоб отнюдь не к чему было привязаться. Это предпринял Гегель. Он хочет решительно устранить всякое психологическое исследование о возможности безусловного знания и говорит, что недоверяющим этой возможности должно отвечать «таким же недоверием к их недоверию». Возможность безусловного всеведения принимает он за факт, не подлежащий сомнению и не требующий доказательств, а так как оно не совместно с умом, стесненным необходимыми условиями, то, по мнению его, должно забыть об этих условиях, не говорить ни об уме, ни об его пределах, и тогда все пойдет как нельзя лучше: только надо иметь доверие.

Кант основал систему свою на критике умственных способностей, чтоб разрушить царство произвола в Философии и уничтожить грезы старой Метафизики. Гегель, в самом начале своего учения, провозглашает невозможность такого философствования для того, чтоб опять вызвать привидения, изгнанные Кантом. Гегель утверждает, что он усовершенствовал систему форм Шеллинга. По его мнению, Шеллинг дал Философии безусловное ее содержание, но, поставив философствующий ум вне решаемых им вопросов, он не успел соединить знания с предметами. Форма, изобретенная Гегелем, форма *per excellentiam*, форма, которая вместе и содержание, есть умозрение, движимое собственно диалектикой, — способ, по которому знание приходит само собою без посредничества ума, изгнанного из этого самодвига; способ, не начинающий с чего-нибудь, предполагающий сперва ничто и разрешающийся ничтожеством. <...>

